

ПУБЛИКАЦИЯ

Около 10 октября 1918 года Маяковский, живший тогда в Петрограде, приехал в Москву и стал вести переговоры о постановке «Мистерии-Буфф». Он представил в ТЕО (Театральный отдел Наркомпроса) довольно подробное изложение содержания своей пьесы. У режиссера и литератора В. А. Брендера, бывшего в то время управляющим делами ТЕО, сохранилась машинописная копия этого документа, который до сих пор не был опубликован. Вот его текст:

ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТРОЙСТВУ ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВ

«Краткое изложение моей «Мистерии-Буфф» и мотивов, требующих ее постановки в дни Октябрьских торжеств.

Предисловие.

Некая дама просила Льва Толстого объяснить ей, что, собственно, он хотел сказать своей «Войной и миром». «Для этого,— отвечал находчивый Толстой,— пришлось бы второй раз написать ее, и если некоторые излагают мои вещи вкратце, то поздравляю их—они талантливее меня. Если бы я мог вместить в несколько строк то, с чем говорю томами, то я бы сделал это раньше».

Наше положение приблизительно одинаково. Выйти из него—способ один: прослушать всю вещь, но времени у Вас нет, и я, исполняя Ваше требование, товарищи, излагаю вкратце мою «Мистирию».

1 действие]. Вся вселенная залита потопом ревлюции. К последней еще сухой точке, к полюсу карабкаются семь пар запуганных чистых. И турецкий паша, и русский купец, и богдыхан, и поп, и проч[ие] и проч[ие] белые представители всех пяти частей света. А за ними, запуганными и ноющими, поднимаются семь пар нечистых-пролетариев, у которых нечему тонуть в этой буре. Весело и спокойно слушают они косноязычное собрание чистых, в ужасе спорящих: что же это, наконец, светопреставление, что ли. И когда, нагоняя бегущих от бунта, и сквозь полюс начинает бить та же кровавая струя, чистые хватаются за последнюю соломинку: «Давайте, давайте построим ковчег!» Одни спасемся. Без этих издаваемых нечистых. Насмешливый голос плотника: «А ты умеешь пилить и строгать?»—сволакивает почтенных с облаков—и униженно просят «господа чистые» «товарищей нечистых» заняться стройкой. «Ехать, так ехать»,—холодно соглашается плотник.

2 действие]. Под плач чистых и смех нечистых грохнулась в волны земля. Нечистые, напевая, спускаются в трюм. Чего им бояться, еда—дело их рук. Распустив слюнки, слушают чистые веселые песни, и у голодных возникает план подложить нечистым свинью, выбрать им царя. «Затем, что царь издаст манифест—все кушанья мне, мол, должны

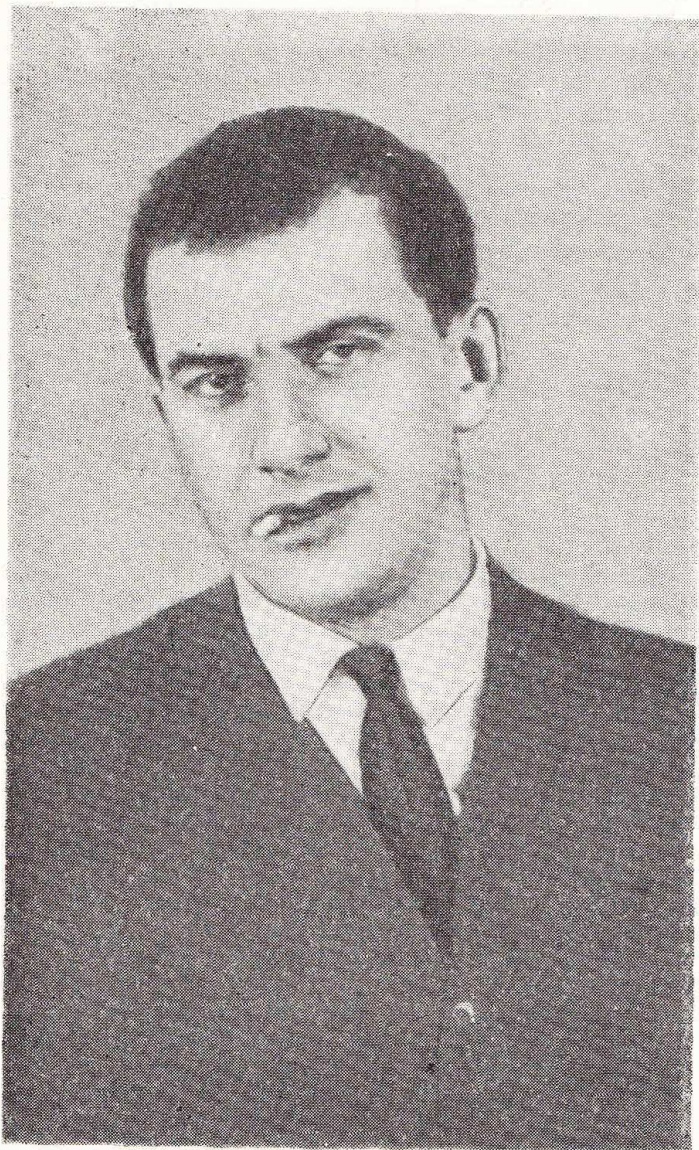
А. Февральский

МАЯКОВСКИЙ И ЕГО ПЬЕСЫ

К 30-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

К

ак известно, первый спектакль первой советской пьесы — «Мистерии-Буфф» — состоялся в день первой годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1918 года, в Петрограде (постановка Вс. Мейерхольда и Вл. Маяковского). Намечалось поставить пьесу к этой же дате и в Москве.

В. В. Маяковский на репетиции «Вани», 1929—1930 г.
Фото А. Темерина

быть отданы. Царь ест, и мы едим, его верноподданные». Номер прошел. Но когда чистые возвращаются к царю, которому сволокивали отобранную у нечистых еду, перед царем сияло пустое блюдо. Ночью разгорелся голод. Ночь мокра. И каждый чистый почувствовал, что он как будто немножко демократ. За самодержавием — демократическая республика. Но «раньше обжирал один рот, а теперь обжирают ротой. Республика-то оказалась тот же царь, да только сторотый». Под могучими кулаками нечистых задами к борту теснятся чистые, и вот уже сверкают пятки сваливаемых в воду белых. С этого места веселое подтрунивание над нестрашными нам какими-то самодержавиями и республиками сменяется пафосом грозовой борьбы пролетариата. Реют по палубе железные слова: «Пусть нас бури бьют, пусть изжарит жара, голод пусть, посмотрим в глаза его. Будем пену одну морскую жрать, мы зато здесь всего хозяева». В бреде об Арарате, изнеможденные, сломленные голодом, — ведь республика и самодержавие съели последнее —

все начинают видеть сияющую гору. Тогда по волнам, как посуху, идет на ковчег не Христос, искушенный в таких занятиях, нет, а самый обыкновенный человек. Став на станки, верстаки и горны, он низвергает великую нагорную проповедь грядущего земного рая. Распаленные видениями рабочие, как за пророком, тянутся за ним. Но насмешлив голос человека. «Довольно на пророков пялить око, взорвите всё, что читали и чтут, и земля обетованная окажется под боком — вот тут». Человек исчез. И вот догадались сразу — да ведь это была наша собственная, в человеческом образе явившаяся воля. Клятва найти землю обетованную озаряет море, и по мачтам и реям лезут они, грохочут песню восстания, ломаются сквозь небо, сквозь ад и рай, в радужные двери коммунизма. «Не надо пророков, мы все Назареи, на мачты! на мачты! за реи! за реи!»

3 действие I, II и III карт[ины].

Мимо райских жителей, завлекающих своим постным небом, мимо ада, в котором у рабочего хватает дерзновенной мощи поиздеваться над его кострами, такими ничтожными по сравнению с заревами сталелитных заводов, ломая всё и вся,двигаемые своей несокрушимой волей, приходят к обетованной стране нечистые. Той же самой покинутой землей оказалась обетованная страна. «Кругла земля проклятая, ох, и кругла». Но напрасно неслись их проклятия земле, омытая революциями и высушенная пеклами новых солнц, она предстала в таком ослепительном блеске, в каком может рисоваться жизнь только нам, ясно различающим за всеми ужасами дня иную великую жизнь. Апофеозом стройных псалмов, в котором хорáми встали рабочие и недавние рабы рубля, невольные угнетатели: машины, хлеба и проч[ие] вещи, окончена эта картина. «С любовью прильните к земле все, дорога кому она. Славься труд, славься жизнь, славься и сияй, наша трудовая коммуна!»

Мотивы и заключение.

Конечно, не этот сухой газетный скелет делает мою вещь необходимой. Она, я убежден, велика тем, что впервые в песнопение революционной мистерии переложила будни. Я не могу не согласиться с товарищем Луначарским, что это, может быть, единственная сейчас пьеса коммуниста. Я убежден, что вы, товарищи, дадите ей надлежащую театральную оболочку, освободив любое из больших помещений, а не загоните ее на задворки Вашего внимания, предоставляя пролетариату питаться гнилой трафаретщиной не ими и не для них созданного искусства, к сожалению, еще «блистающего» в театрах.

Пусть хоть день пролетарского праздника будет отпразднован пролетарской пьесой.

Владимир Маяковский».

В 1918 году «Мистерия-Буфф» в Москве не была поставлена. Пьесу впервые показали в столице в 1921 году (уже во второй авторской редакции, в постановке Вс. Мейерхольда и Вал. Бебутова). Тогда же она была напечатана в качестве приложения к журналу «Вестник театра». Сохранился

(в Центральном государственном архиве литературы и искусства) экземпляр этого издания, подаренный Маяковским поэту С. М. Третьякову, который приехал с Дальнего Востока и собирался туда возвратиться. На этом экземпляре надпись желтым карандашом:

«Дорогому Сергею Третьякову

А вы
ее
сыграть
могли бы
на флейте дальне-
восточных труб?

Вл. Маяковский
7/VII 21 г.»

Перефразировка Маяковским строк из своего стихотворения «А вы могли бы?» применительно к «Мистерии-Буфф» объяснялась следующим. В то время на Дальнем Востоке находились поэты, близкие Маяковскому, — Н. Н. Асеев, С. М. Третьяков, П. В. Незнамов. Энергично пропагандируя творчество Маяковского, эти поэты устроили несколько публичных чтений «Мистерии-Буфф» и рекомендовали ее к постановке местным театрам. Но сыграть «Мистерию-Буфф» «на флейте дальневосточных труб», то есть на сценах театров Дальнего Востока, не удалось.

Одушевляющий «Мистерию-Буфф» порыв вперед, в светлое коммунистическое будущее Маяковский выразил и в четверостишии, вписанном в записную книжку того же 1921 года (хранится в Библиотеке-музее В. В. Маяковского) и до сих пор оставшемся неизвестным:

«В будущее мчись, искусства конница.
Под марш революции легче идти.
Раздуйте зарю в огромное солнце.
Нудные будни театром расцветим».

Два с лишним года спустя — к Октябрьским торжествам 1923 года — «Мистерия-Буфф» (в первой редакции) была разыграна детьми в Опытной школе эстетического воспитания (в Москве) под руководством писателя и режиссера С. Г. Розанова. Маяковский побывал на спектакле позже — в 1924 году. Спектакль ему понравился. Вскоре после его посещения С. Г. Розанов сказал исполнительнице роли Кузнеца Лёле Рюминой (теперь художница Е. В. Бердоносова), что Маяковский написал для их спектакля новый текст финала и поручил ей выучить этот текст. Затем текст был введен в представление. В 1924 году, после смерти В. И. Ленина, пионерская и комсомольская организации стали называться именем великого вождя, и это обстоятельство отразилось в строках текста, написанного для детского спектакля. После слов, которые произносят «все»: «Все ура! Всему ура!», — предоставлялось слово Кузнецу.

У Е. В. Бердоносовой сохранился листок со следующим машинописным текстом этой реплики:

«Кузнец (*вылезает из Страны вещей*).

Ребята, сомкните плечо с плечом.
Никогда пусть никто не ленится
Исполнять заветы, данные Ильичем,
Ведь недаром теперь мы — ленинцы...
Мировой капитал пусть везде наколется
О штыки международного комсомольца.
Наше старанье,
Хоть мы и юны,
Достроить зданье
Мировой Коммуны.

Устали отцы? Так будете смéнены
Нами, носящими имя Ленина.

А пока по земле наш победный клич
Разнесется звенящей нотой:

Ты не умер, ты жив, Ильич,

МЫ
докончим твою работу...».

О «Мистерии-Буфф» речь идет в одном автографе Маяковского, относящемся уже к 1926 году. Театр имени Вс. Мейерхольда готовился отпраздновать свое пятилетие. Было решено показать на юбилее отрывки из всех пьес, поставленных театром. Маяковский спросили, какую сцену из «Мистерии-Буфф» он считает наиболее подходящей для показа. Ответом на этот вопрос является хранящаяся в Театральном музее им. А. А. Бахрушина записка со следующим текстом:

«О читке Мистерии.

Лучше всего было бы или

1) Рай

или

2) Начало 2-го действия, свержение правительства».

Текст в книге «13 лет работы», II-й том (Мистерия-Буфф, 2-й вариант).

В. Маяков[ский].»

В юбилейном спектакле, состоявшемся 25 апреля 1926 года, «Мистерия-Буфф» была представлена четвертым действием («Рай»). На этом юбилее Маяковский выступил с приветственной речью, которая теперь впервые опубликована в томе 12 нового Полного собрания его сочинений.

За месяц до юбилея Маяковский заключил с театром имени Вс. Мейерхольда договор на написание пьесы «Комедия с убийством». Занятый множеством работ, он не написал этой пьесы (от нее остались лишь черновые наброски плана и нескольких сцен), несмотря на неоднократные напоминания В. Э. Мейерхольда.

В 1928 году Государственный театр имени Вс. Мейерхольда переживал репертуарный кризис. Новых пьес советских драматургов, отвечавших требованиям Мейерхольда, в распоряжении театра не было. А поскольку в репертуаре театра уже были три произведения классиков («Лес», «Ревизор»,

«Горе от ума»), Наркомпрос возражал против включения в репертуар и других классических пьес.

В этих условиях В. Э. Мейерхольд решил еще раз напомнить Маяковскому о его обещании. 4 мая 1928 года, находясь в Свердловске, где тогда гастролировал коллектив театра, он прислал мне (в то время я был ученым секретарем театра) следующую телеграмму для Маяковского:

«Москва, Гостеатр Мейерхольда, Февральскому, передать Маяковскому.

Последний раз обращаюсь твоему благоразумию. Театр погибает. Нет пьес. От классиков принуждают отказаться. Репертуар снижать не хочу. Прошу серьезного ответа: можем ли мы рассчитывать получить твою пьесу в течение лета. Телеграфь срочно Свердловск, Центральная гостиница.

Мейерхольд».

Сразу же по получении телеграммы я позвонил по телефону Маяковскому и прочитал ему текст ее. Маяковский сказал мне, что он подумает. И вскоре он отправил телеграфный ответ такого содержания (телеграмма хранится в ЦГАЛИ):

«Свердловск, Центральная гостиница, Мейерхольду. Если договориться, обсудить тобой предварительно, думаю, хорошая пьеса выйдет. Привет.

Маяковский».

Через полгода с небольшим, возвратившись из двухмесячной заграничной поездки, Маяковский привез с собой пьесу, которой и было суждено вывести театр из репертуарного кризиса. Это была феерическая комедия «Клоп».

30 декабря 1928 года в зрительном зале театра состоялось расширенное заседание Художественно-политического совета театра, на котором Маяковский прочитал «Клопа» в присутствии многочисленных представителей общественности и печати. Пьеса имела большой успех, и совет без прений принял резолюцию, приветствовавшую включение «Клопа» в репертуар. Однако и Маяковский, и работники театра, и многие из слушавших пьесу ощущали потребность в ее обсуждении, и большая группа присутствовавших на чтении перешла в репетиционный зал на верхнем этаже театра, где и состоялся обмен мнений. В том же архиве хранятся заметки Маяковского, которые являются краткими записями отдельных высказываний ораторов; этими заметками он воспользовался для свих двух выступлений на данном обсуждении. Автор настоящей публикации записал содержание прений; это дает возможность расшифровать записи Маяковского¹.

На первом листе текст записей Маяковского сначала расположен прямо, затем после длинной горизонтальной черты нанесен вкось двумя столбцами.

Записи перемежаются рисунками, не имеющими определенного содержания. Многие фразы и слова подчеркнуты одной, а то и двумя чертами.

До горизонтальной черты идут слова:

«Старая тема

острая тема

Эрдманская

Присыпкин обще-обывательском

Баян

атрибуты извечные

качества

не показал».

Эти записи относятся к выступлению первого оратора — критика Б. Е. Гусмана. Говоря о том, что в этой пьесе Маяковский заставляет каждого серьезно подумать над собой, и отмечая блеск и фантазию автора, Гусман в то же время усматривал в Присыпкине мещанина в общеобывательском смысле. Мещанина довоенного качества. «Настоящего мещанина 1929 года, — говорил он, — Маяковский не показал». Слова в записи Маяковского: «Эрдманская тема» — касаются упоминания оратором комедии Николая Эрдмана «Мандат», обличавшей мещанство, которая была поставлена театром имени Вс. Мейерхольда в 1925 году и шла с огромным успехом.

Посреди листа одно слово:

«Замечание».

В нижней части листа записано:

«Тип обывателя не повернут всеми сторонами
Усталость от политики
Разве теперь 19 год
Узко в коллективе
Квартирку пообнюхаю
Отцы города».

Тут Маяковский зафиксировал замечания следующего из выступавших — редактора «Комсомольской правды» Т. Кострова, который, указав на то, что достоинства пьесы отмечены в принятой советом резолюции, остановился на ее пробелах. Он видел основной недостаток комедии в том, что тип обывателя, мещанина, подхалима не повернут к зрителю всеми сторонами. Надо было больше подчеркнуть в этом типе усталость от политики, показать, что ему узко, тесно в коллективе. (На это Маяковский ответил в первом из своих выступлений: «Что мещанину «узко» в коллективе, я не мог показать, это отдельная тема, я это только отметил»). «Квартирку пообнюхаю» — слова из реплики Босого во второй кар-

¹ Из записей автора этих строк публиковались только выступления Маяковского (во всех трех посмертных полных собраниях его сочинений и в других изданиях).

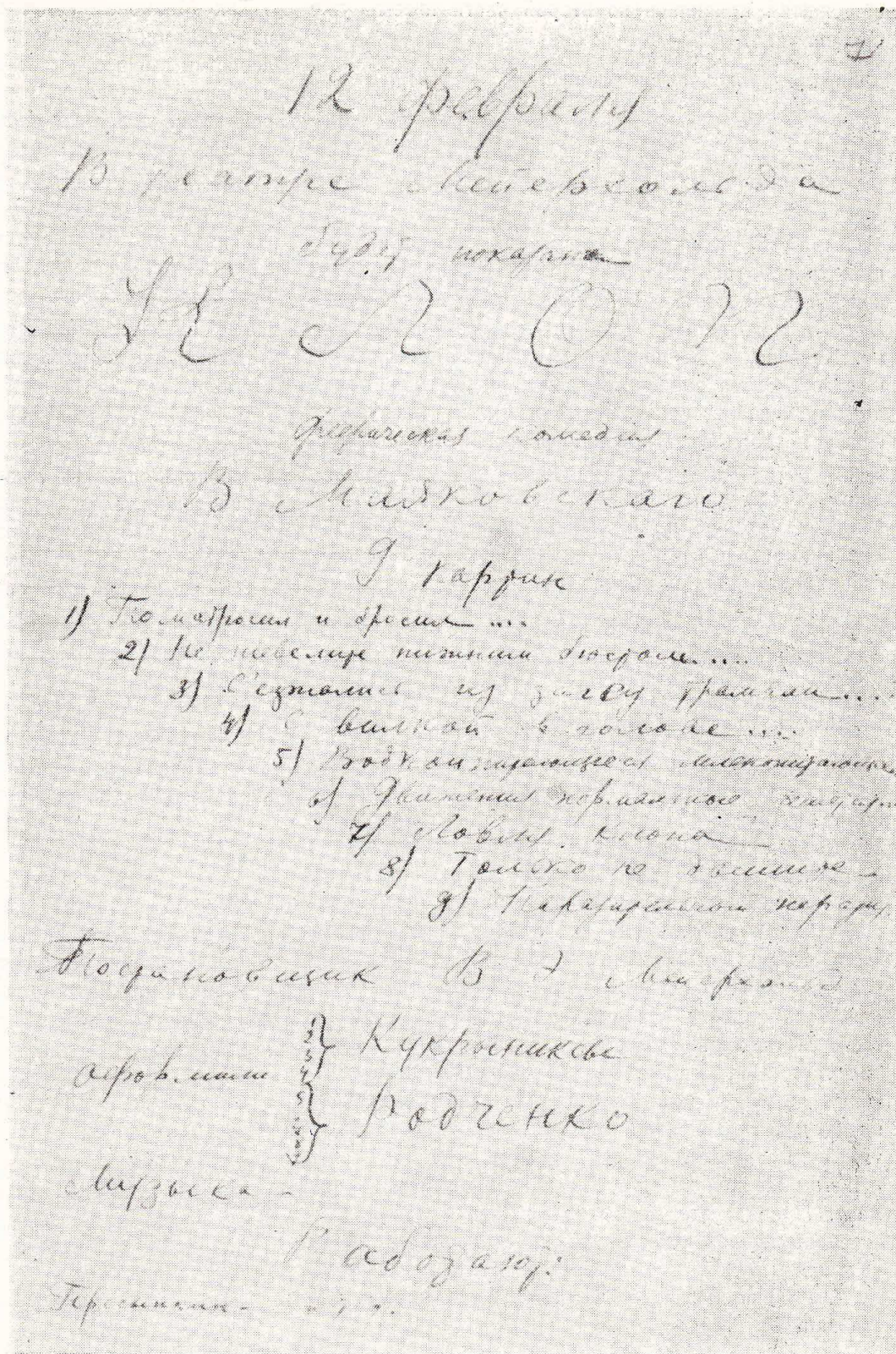
тине, на содержании которой остановился Костров. Об «отцах города» — персонажах последней картины — Костров заметил: «Тут Маяковский показывает, как нынешние мещане воспринимает социалистический строй; до зрителя это может не дойти». В заключение Костров сказал: «Эта пьеса — острая, хорошая, сильная. Комедий, равной этой, я не видел ни в одном театре».

Далее в записи — длинная черта, а за ней слова:

«Дорохов
Советский ревизор
Не стреляет ружье
Старик, рабфаковец».

Дорохов — это политработник Красной Армии, выступивший в прениях. Он говорил: «Нам нужен в Театре Мейерхольда советский «Ревизор» (оратор имел в виду наличие в репертуаре этого театра гоголевского «Ревизора», поставленного двумя годами раньше. — А. Ф.). Является ли комедия «Клоп» советским «Ревизором»? Она будет советским «Ревизором». — Далее Дорохов, пользуясь известным выражением А. П. Чехова, сказал: «В пьесе есть «ружье, которое не стреляет», — это фигура изобретателя». В первом выступлении Маяковский так ответил на это замечание: «Что касается фигуры изобретателя, то мне наплевать на драматургические правила. По-моему: если в первом действии есть ружье, то во втором оно должно исчезнуть. Делается вещь только тогда, когда

она делается против правил». В словах «Старик рабфаковец», — очевидно, отражено пожелание Кострова и Дорохова, чтобы персонажи молодежного

Проект афиши «Клопа» (автограф Маяковского [ЦГАЛИ])

общежития появились во второй части пьесы уже стариками.

Справа записано следующее:

«5 пятилеток
обидятся за 29 год
подхалимаж
резолюция
29 г.»

Слова «5 пятилеток», записанные отдельно, нашли такое отражение во втором выступлении Маяковского: «В пьесе — не социализм, а десять пятилеток, а может быть, это будет и через три пятилетки. Конечно, я не показываю социалистическое общество». Слова записи «обидятся за 29 год», по-видимому, использованы Маяковским в следующей фразе первого выступления: «Против строящих обклада нет, но если обижаются, значит, в них попадает». Слово «подхалимаж», вероятно, относится к реплике, которую по окончании речи Кострова подал Гусман. Он считал, что подхалимаж в 1929 году изображен слишком обобщенно.

На другом листе всего четыре строки:

«Статьи Уриэля
бывш[ий] домовладелец
Любит канарейку
Имеет к политике отношение».

Эта запись — заметки к речи журналиста и театрального критика О. С. Литовского, иногда подписывавшего свои рецензии и статьи псевдонимом «Уриэль». Взяв слово после первого выступления Маяковского, Литовский выразил пожелание, чтобы Маяковский произносил вступительное слово перед каждым спектаклем. Далее Литовский говорил, что в «Клопе» обыватель показан только в бытовом разрезе, но есть обыватель, который имеет отношение и к политике. На первое из замечаний Литовского Маяковский в своем втором выступлении ответил так: «Вещь спасет то, что после каждого спектакля не будет послесловия Литовского, — зрители прочтут статьи Уриэля на следующий день, когда уже отхохочутся».

В том же архиве есть еще один интересный документ. Правда, это не автограф Маяковского, но здесь на первой странице машинописного текста «Клопа» рукой режиссера-лаборанта спектакля Х. А. Локшиной записан экспромт Маяковского. Вот эта запись:

«Что будут говорить о пьесе.
Сочинил на репетиции Маяковский».

Нету ни характеров,
ни достоверного типажа.
Театр МГСПС —
паж-паж¹».

¹ Паж-паж — распространенный в 20-х годах зазыв уличных торговцев (от слова «пожалуйста»).

Так Маяковский представлял себе оценку «Клопа» лицами, приверженными к натурализму и видевшими высшее достижение революционного театра в спектаклях театра имени МГСПС, в которых порой были довольно сильны натуралистические элементы.

В ЦГАЛИ хранится также ряд набросков реплик и записей Маяковского, относящихся к «Бане». На двух листах имеются записи, которые Маяковский делал, очевидно, на одной из репетиций «Бани». Здесь наброски реплик чередуются с замечаниями по ходу репетиции.

Записи на первом листе расположены в двух столбцах.

В первом столбце Маяковский записал реплики и замечания, относящиеся к первому действию пьесы. Последовательность записей не всегда соответствует последовательности реплик, — из этого можно заключить, что на данной репетиции В. Э. Мейерхольд предлагал актерам повторять отдельные куски.

Записи начинаются словами:

«Снимаю!
Спокойно!
Бжик
Готово»

Это набросок реплики введенного В. Э. Мейерхольдом персонажа — фотографа, появлявшегося в нескольких действиях. Против этих слов записано:

«Слишком растягивает, надо чаще и скороговоркой».

Ниже:

«Назреет, если еще не назрел».

Это замечание относится к фразе Мезальянсовой: «...с вашими комсомольскими замашками назреет, если еще не назрел, громадный международный конфликт».

Далее зачеркнутое слово:

«Вставка»

и набросок реплики Мезальянсовой — реплики, не вошедшей в основной текст, но включенной редакцией Собрания сочинений в свод набросков².

Слова:

«Надо, чтоб вытаскивал блок-нот», —

по-видимому, относятся к Велосипедкину — либо к сцене, в которой он вытаскивает блокнот у Понта Кича, либо к сцене, в которой он показывает блокнот, взятый им у шпиона.

¹ В автографе условный знак: слова меняются местами.

² В. В. Маяковский, Полное собрание сочинений в тринадцати томах, т. 11, 1958, стр. 627.

«Почему «пшел» после облигации?»

Против этой фразы записано:

«Выбросить Фрумкина»

В ответе Велосипедкина Фоскину на его просьбу сунуть облигации в машину времени в основном тексте было: «Догадался! Тогда туда весь Наркомфин с Брюхановым засунуть надо, а то же ж ты выиграешь, а они все равно тебе не поверят — таблицу спросят».

В период репетиций «Бани» Брюханова на посту Народного комиссара финансов сменил Фрумкин, и в одном из машинописных текстов «Бани» имя «Брюханов» заменено именем «Фрумкин».

Замечание:

«беременный, и почему восторженно — «он шипит бумажным змеем»,—

относится к словам Поли о Победоносикове: «Он шипит бумажным удавом каждый раз, когда возвращается домой, беременный резолюциями».

«Деньги зачем столько раз?»

Слово «деньги» в первом действии фигурирует в нескольких репликах. Видимо, произнося одну из них, артист повторил это слово несколько раз.

«Ужасно сниженный темп».

Очевидно, в каком-то месте репетиции темп действия слишком замедлился.

«Надписи на жалюзи».

В первом действии сценическая конструкция была закрыта рядом соединенных между собой длинных щитков наподобие жалюзи с лозунгами, написанными Маяковским.

Во втором столбце первого листа сверху отдельно записано:

«Выбросить остановку поезда хотя бы один раз».

По-видимому, слова об остановке поезда вписаны к концу репетиции и относятся к фразе Победоносикова: «Я останавливаю поезд по государственной надобности, а не из-за пустяков». В этой фразе заключался явный намек на неправильные действия А. В. Луначарского, задержавшего отправку курьерского поезда из Ленинграда, за что Партколлегия Центральной контрольной комиссии партии объявила Наркому выговор (постановление опубликовано в «Правде» 22 июня 1929 г.).

Ниже — три записи по первому действию.

«дореволюционной и пореволюционной прессы».

Это слова из реплики Моментальникова. Очевидно, подчеркивая приставки «до» и «по», Маяковский хотел, чтобы актер четче произносил их.

«Письмо или слюдяное, или его вовсе не надо ни в коем случае не бумага; хорошо, если можно фосфоресцирующее».

Тут речь идет о том, как должно выглядеть письмо, полученное из будущего при посредстве машины времени,— то письмо, о котором в ремарке говорится: «Обрывок прозрачной стеклянистой бумаги с отбитым, рваным краем».

«Видишь обожженный край, — не надо восторженно».

Маяковский здесь дает указание исполнителю роли Чудакова.

Остальные записи на этом листе касаются различных сцен второго действия пьесы. Первые из этих записей уточняют словесную игру, предусмотренную текстом пьесы: бюрократические выражения «согласовать» и «увязать» понимаются просителями, пришедшими в Главное управление по согласованию, не в переносном, а в прямом смысле.

«Не увязать с мужем, а согласовать».

Очевидно, что указание для актрисы, репетировавшей роль Просительницы, которая говорит: «Меня с мужем-то и надо согласовать».

«Пашку увязать»

— слова из реплики Оптимистенко: «Виноват, гражданин, как же можно Пашку увязать?»

Затем записано:

«Вставка»

Уголь дрожит и крошится; вас надо каменным углем, вас надо антрацитом рисовать, согласно вашему положению».

Этот набросок реплики Бельведонского, обращенной к Победоносикову, имеется также в одном из ранних вариантов текста, где он заменяет слова «Карандаш дрожит».

«Легше вести сцену с Марксом»

— указание для исполнителей ролей Победоносикова и Ночкина.

«Не играл в карты.

Победоносиков звереет с этого момента».

Запись эта относится к той же «сцене с Марксом», а именно к словам Ночкина: «Не играл никогда Карл Маркс ни в какие карты».

«С ответственным приветом» —

слова из реплики Победоносикова. Маяковский

несколько раз менял определение в этой фразе. В тексте, представленном театром в Главрепертком, сперва записано: «с коммунистическим приветом», слово «коммунистическим» заменено словом «товарищеским», а это в свою очередь заменено словом «ответственным», ярче подчеркивающим лексику бюрократа.

Оборот первого листа начинается с такого указания:

«Нельзя давать музыку и гонг в начале 2-ого (3) акта».

Цифры «2-ого (3)» объясняются тем, что шесть действий пьесы были равномерно распределены по трем актам спектакля, и таким образом второй акт спектакля включал в себя третье и четвертое действия пьесы.

«Нельзя Ив. Ив. в театре в котелке».

Запись относится к появлению Победоносикова, Ивана Ивановича и других в театре в начале третьего действия пьесы. Три дальнейших замечания относятся к тому же действию.

«Наше учреждение наш театр».

Очевидно, Маяковский искал выражение для слов Режиссера: «...мы хотели поставить наш театр на службу борьбы и строительства». Слово «учреждение» сблизило бы театр с учреждениями, которые Победоносиков и Иван Иванович ставят в пример Режиссеру.

«Во что будет одет капитал?»

— вопрос, который Маяковский намеревался задать режиссуре театра. Капитал — один из персонажей пантомимы, которую Режиссер показывает Победоносикову и его присным.

«Товарищи-зрители не надо».

Слов «товарищи-зрители» в тексте третьего действия пьесы нет. Можно предположить, что в конце действия исполнитель роли Режиссера ввел было в текст это обращение к зрителям, а Маяковский счел это излишним.

Записей по четвертому действию пьесы нет. Идут записи по пятому действию.

«вне очереди подчеркнуть»

Маяковский предлагает исполнителю роли Победоносикова выделить последние слова в реплике, кончающейся фразой: «Я требую пропустить меня вне очереди!»

«как член проф-союза»

(«проф» перечеркнуто крест-накрест). Эти слова, затем использованные в спектакле, должны были заменить слова «как член партии» во фразе Победо-

носикова, обращенной к Поле: «Ты не должна запятнать мою честь как члена партии с выдающимся стажем».

«Пьет, должно быть,» —

слова из фразы Победоносикова: «Чудаков — пьет, должно быть, пьет сообразно с фантазией».

«На в у з а не на ус»,

Маяковский исправляет оговорку исполнителя роли Двойкина, который должен сказать: «...всяческую учебу на вуз наматывали».

«Со станции театр Мейерхольда» —

слова, относящиеся к реплике Фосфорической женщины, заключающей пятое действие. Последние слова этой реплики могли бы звучать так: «Ровно в двенадцать часов со станции «Театр Мейерхольда» отбывает первый поезд времени». Видимо, у Маяковского было предположение ввести в текст пьесы название театра, обозначить место действия местом, где реально разыгрывался спектакль, — так, как он сделал это во второй редакции «Мистерии-Буфф»:

«Вот смотрите, Тверская,
вот Садовая,
вот Театр РСФСР».

«Вставка
иррационально нежизненно».

Автор настоящей публикации помнит следующее. После того как на одном из обсуждений «Бани» какой-то оратор заявил, что в пьесе многое «иррационально», Маяковский к фразе Оптимистенко во втором действии пьесы: «Отказаты! Нежизненно» — добавил: «или, как сказал один товарищ, иррационально». Очевидно, Маяковский хотел ввести слово «иррационально» и в аналогичную фразу Оптимистенко в пятом действии.

Остальные записи на обороте первого листа, за исключением одной, касаются последнего, шестого действия. Все они представляют собой наброски реплик.

«Вставка

Дядя, а дядя, дай пяточок. Победоносиков отмахивается. Ну тогда золотой зуб».

Ремарка «Победоносиков отмахивается» вписана Маяковским над строкой. Остальные слова этой вставки — реплики беспризорного, появлявшегося в спектакле, но отсутствующего в печатном тексте пьесы.

«Вставка

Надо беречь советского гвардейца, а то я уйду из гвардии».

Фраза, написанная для Победоносикова, зачеркнута Маяковским. Но текст ее с некоторыми измене-

ниями включен им в основной текст шестого действия.

«От недостатков отмежевываюсь, к энтузиазму присоединяюсь».

Эта фраза Победоносикова, предназначенная для включения в одну из реплик пятого действия, имеется в раннем варианте пьесы.

И, наконец, последняя запись на обороте первого листа представляет собой набросок заключительной реплики пьесы — взамен той, которая вошла в окончательный текст (см. т. 11, 1958, стр. 627, Голос из публики).

Кроме того, на втором листе записан набросок реплики Оптимистенко, обращенной к человеку, который лезет с живой курицей в машину времени (см. там же, стр. 628). Текст наброска был введен в спектакль.

Записи наглядно показывают, с каким вниманием относился Маяковский к подготовке своих пьес к постановке, как усиленно работал он над текстом в процессе репетиций, как помогал режиссеру и ак-

терам советами, относящимися к сценическому воплощению пьесы.

В Библиотеке-музее В. В. Маяковского имеется следующий документ, относящийся к концу марта 1930 года, то есть к последним неделям жизни поэта:

«В МОДПИК¹

Отказываюсь от авторского гонорара, причитающегося мне по спектаклям «Баня» — 31/III с. г. (утренник) и 22 апреля с. г., устраиваемых месткомом ГОСТИМа, сбор с которых поступит в пользу подшефного театра Пионердома.

Маяковский».

Это машинопись с подписью Маяковского карандашом. Слова «и 22 апреля с. г.» вычеркнуты чернилами (22 апреля Маяковского уже не было в живых).

Записка эта говорит о готовности откликаться на общественные начинания театра, которую всегда проявлял Маяковский.

¹ Московское общество драматических писателей и композиторов.

